

публикации и комментарии

АЛЕКСЕЙ ГАНИН И ЕГО ЛИТЕРАТУРНАЯ СУДЬБА

В ОТДЕЛЕ редкой книги Государственной публичной библиотеки имени В. И. Ленина в Москве хранится давно ставший библиографической редкостью литографированный сборник стихотворений А. А. Ганина «Мешок алмазов», отпечатанный на толстой бумаге типа верже. Об авторе книги современному читателю мало что известно. Даже в Центральном Государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) нет достаточно полных сведений о поэте. Там в скудном ганинском фонде № 1705 находится несколько литографированных стихотворных циклов, печатное издание поэмы «Звездный корабль», одна фотокарточка да еще составленная Н. Бауэром коротенькая — в десять строк — биографическая справка, в которой есть грубые ошибки (например, даты жизни и смерти Ганина не соответствуют фактическим)*.

Личная и творческая судьба А. А. Ганина оказалась на редкость драматичной и многотрудной. После трагической гибели поэта 30 марта 1925 г. его имя было предано забвению. Произведения Ганина не переиздавались. Многие ранее не печатавшиеся навсегда утрачены. А то, что уцелело у родственников — в том числе переписка с литераторами — сгорело во время случившегося много лет назад пожара. И все же сохранившиеся в старых печатных изданиях стихотворения позволяют почувствовать истинную поэтическую одаренность А. А. Ганина. Конечно, не все у него равноценно и не все из написанного приемлемо для нас...

Ганин принадлежит к той же группе крестьянских поэтов, к которой литературоведы и критики обычно относят С. Есенина, С. Клычкова, П. Орешина, Н. Клюева...

Алексей Алексеевич Ганин родился 28 июля (по-новому стилю — 9 августа) 1893 г. в деревне Коншино, б. Кадниковского уезда, Вологодской губернии в многодетной крестьянской семье. Алеша рано выказал большую любознательность, живо интересовался всем, что его окружало. Был удивительно добр и очень дружил с младшим братом и сестрами. Эти черты его характера сохранились на всю жизнь.

Ганин учился в Мочаловском трехклассном земском училище, а затем в двухклассном — в с. Устье Кубинском. Ученые давались ему легко, только с «законом божьим» да со священником мальчик часто был не в ладах. А однажды, когда свя-

* В справке Бауэра, а также на странице 342 пятого тома Собрания сочинений С. Есенина (М. 1968) обозначены даты жизни и смерти А. А. Ганина одинаково: 1890—1923 гг. Это неверно. В «Путеводителе» ЦГАЛИ (т. 2, литература) также ошибочно указана другая дата смерти Ганина: 1926 г. Очевидно из «Путеводителя» ошибка перекочевала и на стр. 169 книги «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР», т. 1, М., 1963. На основе документальных данных мы и вносим исправления, а именно: фактические годы жизни и смерти А. А. Ганина 1893—1925 гг.

щенник сурово наказал слабого здоровьем чем-то провинившегося ученика, который вскоре умер, Алеша Ганин написал гневное стихотворение и прочел его на могиле одноклассника. За это юного стихотворца едва не исключили из училища.

С раннего детства у будущего поэта обнаружился особый интерес к поэзии. Стихи он запоминал быстро и любил их читать вслух. Любил слушать сказки и рассказы-бывальщины своей бабушки Феоктисты.

Окончив в 1914 г. Вологодское медицинское училище, Алексей Ганин стал фельдшером. Он знал, что его ждет служба в царской армии. Это не радовало: юноша страстно мечтал серьезно заняться поэзией.

Когда разразилась первая мировая война и Россия вступила в нее, мобилизованный в 1914 г. фельдшер Ганин оказался на службе в Николаевском военном госпитале. Ежедневно он видел тяжелые раны и кровь, видел искалеченных бессмысленной войной людей и смерть многих из них. Это потрясло его. Резко усиливаются антивоенные настроения Ганина. Они находят отражение в его стихотворениях «Война», «Далекий век. От колыбели...» и других, опубликованных в петроградских газетах.

По состоянию здоровья в 1916 г. Ганин был демобилизован и вернулся в родную деревню. Крестьянствовал. Работал на волостном фельдшерском пункте. Удивительно отзывчивый на чужую беду, он в любое время дня и ночи по вызову и без вызова шел на помощь захворавшему человеку.

Ганин много и серьезно занимался самообразованием. В мезонине дома отца он сумел собрать сравнительно хорошую библиотеку. По рассказам сестер поэта, на его книжных полках были не только художественные произведения классиков русской и зарубежной литературы, а и книги по философии и политической экономии, — среди них труды К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. Гегеля, Л. Фейербаха...

В 1918 г. Алексей Ганин вступил добровольцем в Красную Армию. Служил фельдшером. Вот как вспоминает о нем бывший начальник Краснорборского военного госпиталя на Северной Двине, проживающий ныне в г. В. Устюге А. В. Фалин: «А. А. Ганина я встретил впервые на Северном фронте в 1918 г. Он служил в тех госпиталях, где мне пришлось быть начальником. А потом вместе работали в военно-санитарном управлении Котласского района в 1919 году.

Условия работы в госпиталях были нелегкими, порою — очень тяжелыми, особенно на Пинежском участке, который находился далеко от руководящего медицинского центра в Котласе.

Военный фельдшер Ганин проявил себя хорошим помощником врачей, инициативным и энергичным работником. Он безукоризненно выполнял свои обязанности во время операций. Нередко ему приходилось самостоятельно решать много других задач. Он налаживал санитарный транспорт, эвакуировал раненых и больных, следил за бесперебойным снабжением медикаментами и перевязочными материалами своего госпиталя и ближайших воинских частей. Ему приходилось заниматься даже заготовкой топлива.

Все задания и поручения Ганин выполнял с присущей ему настойчивостью. Не будучи преувеличением сказать, что он работал не считаясь со временем, не покладая рук. И поэтому заслуженно пользовался большим авторитетом. Среди своих коллег он выделялся общим образованием, известной широтой взглядов. Но что он был поэтом, мы узнали не сразу. Бережно храню я фронтовой снимок, на котором в 1919 г. запечатлен в числе других наших работников и Алексей Алексеевич Ганин — поэт и прекрасной души человек. Он, Ганин, внес посильный вклад в общее дело борьбы за Советскую власть на Севере против белогвардейцев и интервентов. И этим он дорог и близок мне».

Беседы в госпитальных палатах и в боевых частях с ранеными красноармейцами и командирами, их горячая убежденность в правоте дела, за которое они боролись с интервентами и белогвардейцами, помогли поэту лучше понять события, осмыслить значение Октябрьской революции. Видимо, здесь, на фронте, он создает стихотворение «Братья, плотнее смыкайте ряды!». Забегая немного вперед, сразу же отметим, что революционным поэтом, в полном смысле этого слова, Ганин, конечно, не был. И тогда, и позже оставался беспартийным. Однако революционные мотивы нашли отражение в его творчестве.

Большим событием в жизни Ганина явилась первая встреча с Сергеем Есениным в Петрограде в конце 1915 или первой половине 1916 г. По сведениям московского литературоведа В. Земскова*, их знакомство состоялось через столичный журнал «Северные записки». Скоро это знакомство переросло в дружбу, которая продолжалась вплоть до осени 1924 г. Оба поэта дважды вместе приезжали в Вологду — в июле 1916 и в августе 1917 г. Сохранилась запись Блока о том, что 20 февраля 1918 г. на вечере в столовой Технологического института вместе с ним были Ганин и Есенин. На литературных вечерах вместе с Ганиным бывали также Н. Клюев, П. Орешин, С. Клычков. Беседы «крестьянских поэтов» нередко переходили в острые споры. Сред-

* См.: «Молодая гвардия», 1966, № 2.

него роста, коренастый, Ганин отличался большой подвижностью. быстрыми движениями. Говорил обычно не громко, но в спорах был горяч и запальчив. В одном из писем Н. Клюеву Есенин отметил, что Ганин «делает все так, как надо, а объясняет себе по-другому». Одна из последних встреч Ганина с Есениным (и Клюевым) состоялась на квартире Галины Бениславской в Москве в 1924 г. А. Ганин публиковал свои произведения в петроградском альманахе «Скифы», где печатались А. Блок, А. Белый, В. Брюсов, С. Есенин, Н. Клюев, П. Орешин. Второй сборник имажинистов, «Конница бурь», выпущенный в 1920 г. в Москве, состоит из произведений трех авторов — С. Есенина, А. Ганина и А. Мариенгофа.

Об отношении Ганина к Есенину красноречиво говорит авторское посвящение стихотворного цикла «Красный час» (1920): «Другу, что в сердце мед, а на губах золотые пчелы-песни — Сергею Есенину». Ганин был очень дружен с пролетарским поэтом В. Т. Кирилловым, встречался в Вологде с красноармейским поэтом Д. А. Ершовым (впоследствии — в 1926—28 и 1945—50 гг. — Ершов работал в «Правде»). Ганин очень дорожил дружбой с писателями-вологжанами А. А. Субботиным и И. В. Евдокимовым.

Вернувшись с фронта, Ганин работает в культпросветотделе 6-й армии в Вологде. Здесь в течение 1920—1921 гг. выпускает литографским способом ряд небольших стихотворных циклов: «Вечер», «В огне и славе», «Красный час», «Золотое безлодье», «Священный клич», «Певучий берег», «Раскованный мир» и др. Все они в 1921 г. вошли как составные части под теми же названиями в большой литографированный сборник «Мешок алмазов». На его литературное дарование в начале 20-х годов обратил внимание известный московский литературный критик Н. Я. Абрамович — автор многих книг по философии, русской и зарубежной литературе. Несомненно, эстетская критика Абрамовича, примыкавшего к модернистам 900-х годов, оказала влияние на формирование эстетических взглядов и творчество вологодского поэта. Об этом убедительно говорит, например, такой любопытный факт. На обложке сборника стихотворений «Мешок алмазов», хранящегося в библиотеке имени В. И. Ленина в Москве, можно прочесть автограф А. Ганина, относящийся к маю 1921 г.: «Николаю Яковлевичу Абрамовичу, первому, кто с восторгом и любовью заглянул в мою песенную душу и открыл ее новой силой...»

В 1923 г. в вологодском журнале «Кооперация Севера» Ганин выступает как прозаик с рассказом «Иван и корова» и отрывками из романа «Завтра». Последняя и лучшая прижизненная книжка произведений А. А. Ганина «Былинное поле» вышла в 1924 г. в Москве.

В стихотворениях Ганина немало печали и грусти. Не от того ли это, что поэт видел в жизни много людских страданий и горя, сам испытал многое? Впечатлительность его натуры так велика, что порою в поэтическом решении темы он выходит за пределы реалистической образности.

В стихотворениях «Воскресение», «Она придет, неведом час», «Отгони свои думы лукавые» и других заметно выражены народно-религиозные мотивы. Но сам Ганин решительно отвергал обвинения в мистицизме и относил себя к поэтам-романтикам начала XX века.

Яркой образностью и выразительностью поэтической речи отличаются лирические стихотворения Ганина, которые занимают в его поэзии видное место. Особенно удаются ему картины природы: поэт тонко чувствует и понимает ее.

Выразительно рисует Ганин живые картины жизни северной деревни и нелегкого крестьянского труда в стихотворении «Зубастый серп прошел по ниве зрелой» и особенно в поэме «Памяти деда». Поэт умеет передать в равной степени ощущение радости труда и теневые стороны жизни труженика крестьянина.

«Памяти деда» — одно из лучших творений Ганина, яркий образец его поэтического мастерства и художественной зоркости, к сожалению, не известный современному читателю. Поэма изобилует бытовыми деталями, которые естественно и просто впадают в художественную ткань произведения.

И до революции, и после Октября Ганин в полной мере сознает себя истинным сыном России. Он выступает и борется за счастье людей труда. Свободолюбивые идеи близки и дороги сердцу поэта, но Ганин хотел бы любить людей, «прощая всех». В этой формуле, бесспорно, сказывается отсутствие классового подхода к явлениям социальной жизни. Можно утверждать, что именно по этой причине революционная тематика в поэзии Ганина не заняла значительного места.

В 1923 г. начался новый этап в творчестве А. А. Ганина. Поэт был полон интересных замыслов: кропотливо собирал материалы по истории эллинов и Древнего Рима, мечтая написать художественно-драматическую хронику «Освобождение рабов», вынашивал план романа о жизни России в период с 1905 по 1925 гг., намереваясь развернуть действие на социально-экономической основе.

С осени 1923 г. после тяжелой травмы головы, в сильной степени способствовавшей развитию душевной болезни, Ганин жил в Москве. Он надеялся выпустить новые сборники своих произведений, но замыслам не суждено было сбыться. Жизнь поэта трагически оборвалась...

«К тебе пришел я, край родимый!» — писал Ганин в одном из своих стихотворений. Действительно, поэт вернулся, ему возвращено его доброе имя. Но его книги продолжают оставаться библиографической редкостью. Лучшие произведения из тех, что дошли до нас, выдержали проверку временем и ждут переиздания. Настало время выпустить хотя бы небольшой сборник стихотворений Ганина. Книга, снабженная вступительной статьей, редкими фотоснимками и комментариями, представит несомненный интерес.

ПОКОС

Я и солнышко — мой ясноглазый друг —
Встаем от сна улыбочивые рано...
Разбудим день. Оно возьмет туманы,
А я — косить цветной широкий луг.

Мужичий гам, румяный бабий говор
Польются вслед с нехоженой тропы...
А впереди: и синь, и косогоры,
Ромашки и росистый смех травы...

И весел труд. Коса остро и звонко
По шелку трав хрустит до полудня.
И не понять, где песня жаворонка:
Там, в синеве, иль в сердце у меня?

А с полудня, когда мой ясный друг
Огруживает высоко в стога туман

кудрявый,

Я ставлю в копны скошенные травы,
Я тороплюсь убрать широкий луг.

И целый день, пока не кликнет вечер,
Кумачный вихрь гуляет по лугам...
И светел труд. И не устанут плечи
Купаться целый день в зеленых облаках.

А ввечеру, когда на бабьи ноги
Душистый клевера прильнет загар,
Устанет солнышко. И в золотые стоги,
Красивое, уходит на закат...

Уйду и я. И тихий сон по селам
Сомкнет глаза, кто радостью ослаб.
И до утра мне снится луг веселый,
И все звенит: роса-коса-роса.

Июль, 1918

Братья, плотнее смыкайте ряды,
Нам ли бояться холодной могилы?
Близятся вражьи несметные силы,—
Братья, плотнее смыкайте ряды!

Красную Родину черным кольцом
Обвил, беснуясь, змей стальнотрубый...
Спящим трубите в громовые трубы:
Родина сдавлена черным кольцом.

Много отрублено зверю голов.
В битве великой с чудовищем ряным
Много легло звездоносцев багряных,
Много осталось у зверя голов.

Вот они, жадные, лезут вперед.
Ноздри их пышутся хаосом древесным,
Пасти их жрут города и деревни.
Вот они, жадные, лезут вперед.

Густо пылают пожары в глазах.
Синее небо запачкано дымом.

Нам ли проститься с свободой любимой?
Зависть ли сгинет в змеиных глазах?

Ярко развеялось знамя зари.
Выше вздымайте над пашнями солнце,
Молотом рушьте железные кольца,
В небе колышется знамя зари.

Братние трупы безмолвно зовут
В битве последней смелее сразиться;
Зверя стереть или с жизнью проститься
Братние трупы безмолвно зовут.

Гнусь расплзлася по красной земле,
Носятся вороны, чуя добычу.
Слышите, в поле тревожные кличи;
Гнусь расплзлася по красной земле.

Встанем же грозно, как волны, в ряды.
Правнукам ветра и огненной силы,
Нам ли бояться холодной могилы?
Бурями встанем на вражьи ряды!

1918

Зубастый серп прошел по ниве зрелой.
Растаял звон колосьев золотых,
И дольше с каждым днем туман,
как саван белый,
Лежит в вересняке на пастбищах пустых.

Захожий отдых странствует по селам.
Коса и серп не помнят о страде,
Порой пропляшет в гумнах цеп веселый
И поздний грач вспугнется на гряде.

И вновь покой. В стогах на мягком сене
Пастуший рог тоскует о весне,
И от полей заплаканные тени
Плывут к избе и бродят по стене.

Уж в поле холодно. На рваной туче
Присядет солнце, бросит сноп лучей.
Встряхнется ветер в ивняке плакучем
И тонким льдом заискрится ручей.

У красных зорь под причет журавлиный
Давно уснул крикливый летний день...

И шепчет ива старому овину,
Как первый лист свалился на плетень.

И грустно мне, но грусть, как синь,
прозрачна,
Что вытекла с небес над рощей золотой.
И ткнется жизнь, как сон, в певучие
зачатья,
А в сердце листопад и ласковый покой.

1920

ОТХОД

Багряное крыло раскинула заря,
Роня в тучи золотые перья.
Вот так всегда бы, как иду теперь я,
Без усталости, идти без цели, зря...
У мудрых цели нет, у мудрых нет беды,
Мой путь еще высок. Лицо еще
в играющем румянце.

Пускай к закату склон. Певуче льются

с пальцев
В нехоженный песок веселые следы.

Был страшен долгий век. И вот спокоен

час:

Дано мне каждый миг изжить тысячулетья.
Я прожил тридцать лет. О чем еще

жалеть?

Печаль моя нежна, как крик вечерней чайки.

Душе легко. Растаяли года,

Как едкий чад, как стон любви докучной...

Из волчьих ям не выпрыгнет беда,

Не изгрызет серебряные будни,

Что виснут над рекой туманом голубым...

Пусть снова вороном хлестнется ночь

в поля,

И в добрых снах меня забудут люди,

Мой голос в ветре, в звездах слышен

будет...

Я в вечность отхожу с тропинки бытия.

1923 (?)

ПАМЯТИ ДЕДА

Старому деду
всю жизнь хорошо не сыпалось...

И жизнь-то была ни к чему,
как худая онуча,

А только петух кукарекает,
и зорька откликнется ало —

Дед уже смотрит в окно,
как серебро-туча...

Смотрит, зевая, на небо,
где звезды от глаз человеческих,

Будто, мале белозерское,
спешно ныряют в глубокое сине.

Глянет на поле. И где-то далече-далече
В поле кричат журавли...

И дед уже знает по крику:
Будет ли ведро,

будет ли непогодь ныне.

Ясному в мире светло,—
Взгляд белолицей березы, роса на траве,
Голубые туманы за рощей

и птичья повадка —

Всюду приметы,
кто в тысячный раз

Просыпается в красной заботе
о хлебе

Старому деду раскрыта
зеленая книга земли.

Всюду начертано:
зверю — таиться в лесах
и следить за добычей,

Птице — порхать и звенеть,
А человеку —
в трудах украшаться под небом.

Прост и негорек зарок
для нехитрого дедова сердца:

Выедет было на пашню и пашет.
А сивка кнута не попросит.

И только когда уж два пота
в морщинах над бровью просохнут,
Бабы начнут полоскать языки у колодца;
И, мягко шагая по росам,
Солнышко придет в село
И похвалит уставную дедову соху.

Скажет спросонок:
«Бог помочь!»

А дед остановит коня
и шутя попеняет:

«Ай, солнышко, солнце,
долгонько ты что-то каталось за лесом,
Не бабий проворный язык —
небось бы проспало все лето...»

Пошутит, пощурит глаза
и опять по лехе погоняет.
А солнышко встанет, широко улыбнется,
Лучистую шапку на тучку повесит,

Умоет рососою лицо
и ясное ходит по свету.

Веселы деду дни на земле,
не скучно и сивке —
таскает любимую соху.

Труд и терпение, как песня,
обоим бодрят стариковские кости.

И мило им все:
и крик ребятишек в селе,
и беседы ленивых в раскуре,
и черные лехи,

И радость грачей, что ходят
по склонам,
как важные гости.

Все им как песня.
И серую жизнь незаметно
в узорах нужды да заботы
Солнце носило по полю

и дедовы дни украшало.
Дед серебрился все пуше,
но рук положить неохота,
Хоть много, ой много,

соха под руками
земли-чернозъму изжевала.
Много, как у́ бога звездок,

рассеяно, собрано зерен,
а спать — хорошо не сыпалось.
И не черная совесть,

не скорбь о ненужном
житье человечьем
Сны отгоняли, а сердце разведало:
«Сном не излечишь усталость».

И жизнь подсказала:
«Не красная доля мочалить
порты о запечье».

Вот смолоду дед и дружил
с петухом да с зарею пригожей.
Сквозь голубые глаза

и небу, и высокому солнцу,
И каждой былинке и птахе
Тысячи дней улыбалось дедово сердце...

А сегодня, на грех, задремал
на широкой скамье под божницей
И чует, что все уж проснулось,
а сам приподняться не может...

Хочет глаза распахнуть,—
и будто созревшая рожь,
заплелися ресницы.

Вязнет в забенье душа,
как олень златорогий в трясине.
Хочется деду внучонка позвать
и не родится слово...

А день широко разгулялся
под небом глубоким и синим,

И сивку впрягли уж другие
Распахивать внешние ноши.
Все на селе, как и прежде,
лишь по-новому гвозди,

Чуется, кто-то вбивает...
И пилят сосновые доски...
Кому-то неладное ладят.

А рядом ворчливые куры кудахчут,
что бабы опять обокрали все гнезда...
И по-новому солнышко

сидит у окна
И ласково дедову бороду гладит.
Боговым маслом и ладаном,
воском топленным и житом
празднично пахнет в избе.

Тихо, как в церковь,
приходят соседи,

И дедова жизнь,
что была незавидней онучи,
Как троицын день —
у всех на губах — красовита.
И дивно и радостно деду.

Дивно и радостно.
А что приключилось?
Не знает.

Только сладка неизбывным
покоем дремота.

Где-то за полем о вечном безветрии
новые птицы в отходной заре
прокричали...

И видит: из груди, что ветер,
летит лебединое стадо —
земные заботы, печали.

Как в церкви,
сегодня у деда в избе.
Не в синих и грязных заплатах,
а белой холстиной покрытый,
Он дремлет на лавке широкой,
как серебро-туча...

И плачут под красным окошком
О дедовых сказках,
о пряниках в сусле внучата...
И будто о чем-то на полке
мохнато задумалась шапка...

И тихо тоскуют у двери
дедовы лапти с онучей.

Февраль 1918.

ПРИМЕЧАНИЯ

«ПОКОС», «Былинное поле», М., 1924, стр. 34. Ранее, в несколько иной редакции, но без заголовка и с посвящением известному писателю А. А. Субботину, опубликовано в журнале «Кооперация Севера» (Вологда, 1922, № 12).

«БРАТЬЯ, ПЛОТНЕЕ СМЫКАЙТЕ РЯДЫ...» печатается по тексту в сборнике «Искусство — фронту», Вологда, 1920 г. Есть небольшие разночтения по сравнению с более ранней публикацией в литографированном цикле «Священный клич» (вышел в 1920 г. в Вологде).

«ЗУБАСТЫЙ СЕРП ПРОШЕЛ ПО НИВЕ ЗРЕЛОЙ...» Из литографированного цикла «Золотое безлюдье», Вологда, 1920.

«ОТХОД». См.: «Былинное поле», М., 1924, стр. 36.

«ПАМЯТИ ДЕДА». Печатается по тексту в книге «Былинное поле», М., 1924, стр. 7—12. Поэма «Памяти деда» написана в феврале 1918 г., когда А. А. Ганину шел двадцать пятый год. В 1921 г. она была выпущена в Вологде литографским способом отдельной книжечкой. Называлась поэма «Памяти моего деда Степана». Произведение имело тогда авторское посвящение известному советскому поэту первых лет пролетарской эпохи В. Т. Кириллову.

В последней прижизненной публикации (в книге стихотворений Ганина «Былинное поле», М., 1924) этого посвящения нет. По сравнению с изданием 1921 г. здесь введены две новые строфы (со слов «Ясному в мире светло» и кончая словами «Прост и негорек зарок для нехитрого дедова сердца»). Имеются разночтения и в последующем тексте.

Публикация и вступительная статья *Николая ПАРФЕНОВА*